

ВСЕ ОСТАЕТСЯ ЛЮДЯМ

Наша газета уже сообщала («НВС» № 45), что в ноябре 2013 года одним из очередных лауреатов Демидовской премии стал наш замечательный земляк академик-математик Юрий Леонидович Ершов. В канун Дня российской науки в Екатеринбурге состоялось торжественное вручение этой весьма уважаемой в научном сообществе награды...

Немало он повидал на своём веку университетов, российских и зарубежных, одним (НГУ) в течение восьми лет даже командовал, но когда входил под колоннаду Уральского государственного, то всё же испытывал некоторое волнение. «Награда нашла героя», быть может, несколько поздно — его имя давно вошло в анналы математической логики, он известнейший продолжатель славных традиций сибирской математической школы, основанной самим Анатолием Ивановичем Мальцевым, но таков уж замысел уральцев: Демидовской премии удостоиваются лишь те, кто много лет на совесть обрабатывал научное поле и кому есть что предъявить потомкам: вот мои работы — они остаются людям.

Странная, в общем-то, штука жизнь: иногда ему кажется, что это было буквально вчера: отец, мама, брат, Железнодорожный район Новосибирска, 30-я ведомственная железнодорожная школа, к которой примыкали в ту пору не только городские корпуса, но и тёмные от времени, рубленные ещё в начале века дома с печным отоплением... В безветренную морозную погоду дым из домовых труб перемешивался с паровозным так, что порой было трудно дышать, но это Юрий Леонидович лишь сейчас понимает, после многолетней жизни в академгородковском сосновом бору. А тогда всё казалось нормальным, и послевоенная школьная пора совпала с удивительным подъёмом, который переживала вся страна. Все дороги казались открыты: он отлично учился, много читал научно-популярной литературы, одно время собирался стать геологом, и не исключено, что стал бы им, если бы не узнал о таком замечательном вузе как Московский физтех — там настоящие мозги! И устремился после школы туда. И вдруг (после четырёхчасового устного ответа по математике, что само по себе беспрецедентно!) — облом, первый в его жизни, многому научивший, в первую очередь тому, что если сорвался, то не нужно отдаваться «свободному падению», а надо вставать и снова идти вперёд.

Будет и ещё немало трудностей в жизни, но он уже почувствует свою силу на матфаке Томского университета, где стал отличником. Но когда открылся в 1959-м НГУ, он твёрдо решил добиться перевода туда, не столько ближе к родным, сколько потому, что понимал — в Академгородке зарождалось нечто совершенно уникальное. И стал студентом университета нового типа, в некоторых чертах повторившего своего прародителя — тот самый Московский физтех.

Вот так, поначалу не очень-то гладко, Юрий Ершов вышел на главную дорогу своей жизни и судьбы, но вскоре стал одним из лучших подопечных своего учителя и научного руководителя академика А.И. Мальцева, по-своему уникальной личности. Однажды с него, избранного в комитет комсомола, в очередной раз стали спрашивать за недостаточную общественную активность, и он по совету своего учителя ответил, что главное его поручение — помогать отстающим, потому что уже тогда понимал, что его предназначение — наука, а всё остальное — как сложится. Смолоду его неосознанное стремление к первенству протекало по иным, не карьеристским жилам: нужно стремиться делать самое нужное, самое подходящее твоей душе и твоему уму дело.

И складывалось очень неплохо: уже через несколько месяцев после получения диплома с отличием он успешно защищает кандидатскую диссертацию, в 26 лет — докторскую, в тридцать избирается членом-корреспондентом АН СССР, а в переломном 1991-м — академиком РАН.

Наша газета уже неоднократно писала об этом выдающемся учёном и человеке (и мы надеемся, что будут и ещё поводы для встреч и бесед с ним), но об одном его публичном вступлении хотелось бы сказать особо.

В сентябре 2007 года Институт математики им. С.Л. Соболева СО РАН отмечал своё 50-летие и, как водится в подобных случаях, провёл Всероссийскую конференцию «Математика в современном мире», посвящённую этому событию. Вот на этой-то конференции в ту пору ещё директор ИМ СО РАН академик Юрий Леонидович Ершов выступил с необычной юбилейной речью, которая надолго запомнилась её участникам. Весьма значительный раздел её был посвящён проблемам науки и её авторитету в современном обществе. В наше время шесть лет — это одновременно и миг, и целая эпоха. Так вот, слушаешь сейчас академика Ершова шесть лет спустя, и представляется, что это произносится сегодня. Если и меняется что-либо по отношению к науке в нашем правительстве, то пока в худшую сторону. Тем более что и фамилии министерских чиновников всё те же: Хлунов да Ливанов. Правда, имя первого российского министра науки, прославившегося тем, что он как-то сказал, что, мол, в России науки слишком много, и потом долго объяснявшегося, что совсем не то имелось в виду, Юрий Леонидович произносить тогда не стал, и так всем известно.

Но повторим наиболее важные тезисы той самой речи.

В период создания Сибирского отделения, сказал Юрий Леонидович, отношение к науке было другое, как в государстве, так и в обществе.

Масштабные научно-технические проекты (в первую очередь атомный и космический) и устремляли вперёд развитие науки, и выводили на передовые рубежи промышленность. Отношение к учёным было благоговейное. Сейчас ситуация иная, она немножко даже парадоксальная: в государстве, где «науки слишком много», отношение к учёным соответствующее. Некоторые министерские чиновники позволяют себе просто неприличные высказывания в адрес науки в целом. Общество тоже во многом ориентируется на власть. Поэтому мы должны терпеливо объяснять обществу многие прописные истины о значимости науки вообще, о ценности её экономических приложений, её влиянии на образование, которое невозможно без развитой науки и т.д.

Я предлагаю другую аргументацию, сказал учёный, которая может быть принята в нашем общественном сознании. Мы живём в мире, где много рисков: терроризм, природные и социальные катастрофы и т.д. Для всего этого есть ключевое слово — БЕЗОПАСНОСТЬ. Есть, как известно, Совет безопасности ООН, есть Совбез России. Сейчас в ходу термин продовольственная безопасность, то есть государство должно быть самодостаточным в смысле обеспечения населения собственными продуктами питания. Я предлагаю ввести в обиход понятие интеллектуальной безопасности.

Реальная задача, которую выполняла Академия наук в течение столетий — это как раз интеллектуальная безопасность. Любой серьёзный новый вызов может быть погашен только с помощью развитой науки. Так было в 40-х годах, когда возникла актуальная потребность в ядерном оружии, так было десятилетием позже, когда создавался ракетно-ядерный щит (сейчас на повестке дня безопасность биологическая. — Ред.) и т.д.

Для решения любой серьёзной задачи требуется фундаментальная наука, в том числе и математика. Прекрасные примеры служения Отечеству дали нам выдающиеся математики С.Л. Соболев, А.Н. Колмогоров и многие другие: когда наступило тяжкое для страны время, они применили свои научные познания для укрепления обороны. Сегодня в очередной раз в России наступил период, когда проблемы обороноспособности, инновационного развития требуют новых прорывных технологий, которые может дать только высокоразвитая наука. Поэтому тезис об интеллектуальной безопасности, на мой взгляд, как никогда актуален...

Спустя годы, в ноябре 2013-го, на известном форуме «Технопром-2013», проводившемся в Новосибирске, автор этих строк внимательно слушал выступление вице-преьера Дмитрия Олеговича Рогозина, говорившего о значении науки в выработке и реализации шестого технологического уклада, вспоминал ту самую речь академика Ершова об интеллектуальной безопасности и размышлял: может быть, действительно в нашем правительстве что-то, наконец, меняется, и осознание важности

фундаментальных научных исследований несколько поумерило пыл реформаторов от науки?

Где-то спустя год после юбилейных торжеств в Сибирском отделении академик Ершов пережил тяжкий удар судьбы: инсульт на время сделал его инвалидом. Видимо, сказались перегрузки на мозг, хотя он всегда придерживался здорового образа жизни, к тому же занимался спортом, — теннисную ракетку пришлось надолго зачехлить... В этот период все настоящие друзья остались друзьями, «друзья по заинтересованности» враз схлынули, как мутная талая вода. Он не сразу покинул пост директора института, припоминая, как непросто ему самому давалась эта должность в 2003 году, сколько духовных сил потребовалось для того, чтобы этот уникальный научный коллектив наконец поверил в его возможности и принял сложившуюся расстановку. Он понимал, какая ответственность ляжет на его преемника, хотя про себя, по-видимому, давно решил, кто придёт на смену ему, и в последние годы сделал всё от него зависящее, чтобы его ученику члену-корреспонденту РАН С.С. Гончарову с его уходом жилось если уж не легко и просто (чего в принципе почти не бывает в академическом научном коллективе), то приемлемо для того, чтобы скоординировать дальнейший исследовательский процесс.

В этот период его лучшим другом снова оказалась Надежда Семёновна, его супруга, которая буквально превратилась на несколько лет в его сиделку и персональную медсестру: уколы, пилюли, инвалидное кресло и т.п. Он упорно не расставался с мыслью возобновить научную работу, и постепенно, шаг за шагом, в результате огромных личных волевых усилий и помощи близких возвращал утраченные позиции: от больничной палаты к санаторию, от санатория к курорту и путешествию, от коляски к прогулкам и т.д. Через год он отставил в сторону палку, до работы от улицы Мальцева, где живёт, старается пройтись пешком, дважды в неделю бассейн и планомерные, настойчивые тренировки мозга: он снова в научном строю, мысли его ясны и продолжают роиться по ночам, к сожалению, слишком часто, когда не спится. Мозг учёного тайна великая есть, и нет пока ещё информационного механизма, который бы её приоткрыл.

Когда он, будучи в Москве, узнал о присуждении ему Демидовской премии, то связался по телефону с друзьями-соратниками: Геннадием Андреевичем Месяцем, Александром Леонидовичем Асеевым, родным братом академиком-экономистом Валерием Леонидовичем Макаровым (тоже, кстати, лауреатом Демидовской премии), и они вместе отправились в кафе «Чехов», в Камергерский переулок близ МХАТ. Он любит такие вот старинные местечки древней столицы: они напоминают ему о вечности и преемственности, из которой проистекает сама наука.

А спустя три месяца Юрий Леонидович был приглашён на церемонию награждения в Екатеринбург. Уральцы позаботились о том, чтобы программа была выполнена сполна. В первый день пребывания в городе состоялись

традиционные Демидовские чтения, и академик Ершов сделал научный доклад в Демидовской аудитории о теории нумераций, чтобы ещё раз поговорить о своём любимом вопросе — важности понятий вычислимости. Важность этой темы не в том, что возникли вычислительные машины, они это только подтверждают. Вычислительные машины придумали математики. Они родились, если так можно выразиться, на кончике пера учёных, таких, в первую очередь, как Алан Тьюринг. И ему хотелось донести до молодёжной аудитории популярным языком свои мысли: любое новшество на Земле — от чернил до суперкомпьютера и БАКа начинается в мозгу человека, наделённого способностями и научным знанием.

На другой день — приём у губернатора и получение премии. На церемонии присутствовал руководитель Федерального агентства научных организаций Михаил Михайлович Котюков, кстати, тоже сибиряк, выходец из Красноярского края. От встреч и разговоров с ним у Юрия Леонидовича остались в целом приятные впечатления: видно, что человек всерьёз обеспокоен судьбой российской науки, и как кто-то из уральцев заметил по этому поводу — если ему и придётся делать какие-нибудь неприятные для людей вещи, то он будет делать их — в отличие от некоторых — без видимого удовольствия...

Летел в Новосибирск в хорошем настроении. Повидал многих из тех, с кем связывали отношения, зародившиеся ещё в юности. Снова и снова возвращался к мыслям о судьбе науки. Почему самих учёных не спросили, как проводить реформу? Как объяснить чиновнику, пусть даже с докторской степенью, что главное для науки — не зарплата, не карьера, не «близость к телу», не место в президиуме, а свобода мысли, — что всегда понимали любые правители России, даже с грузинским акцентом.

Как объяснить этим людям, имеющим доступ к первым лицам, что из-под палки не рождаются «Кауровские тетради» (Кауровка — местечко под бывшим Свердловском, где некогда по инициативе нескольких молодых математиков был организован Кауровский симпозиум). И новые научные идеи тоже не возникают распоряжением сверху. «Верх» может стимулировать деятельность учёных серьёзной большой программой или новым большим проектом, под который государству не жалко ни денег, ни ресурсов. Как это было в конце 50-х, когда Лаврентьев со товарищи нащупали эту возможность и главное — потребность страны в новой форме организации науки, и родилось Сибирское отделение. По нынешним меркам даже невозможно представить себе подобный масштаб финансирования сейчас, — увы, приоритеты иные. Но в лихорадочных поисках выхода из затянувшейся стагнации экономики что ни год возникают проекты, вызывающие серьёзное беспокойство своей слабой проработкой. Не станет ли и реформа РАН лишь одним из эпизодов этой малоэффективной суеты?

Каждый должен уметь делать своё дело, учёный — добывать новое знание, предприниматель — связать научное достижение с практикой, государственный муж — принимать верное управленческое решение.

Вот он подходит к родному институту, на фасаде которого знакомые барельефы знаменитостей, некогда работавших здесь. Каждая из научных теорий, родившихся в этих великих головах, давно проросла обильными всходами конкретных результатов на родной земле и не только. Поднимается на четвёртый этаж, проходит по коридору, где почти на каждой двери табличка с обозначением — академик такой-то... К слову, из трёхсот сотрудников Института математики СО РАН более ста человек имеют докторскую степень. По сути это один из мощнейших мозговых центров страны, откуда тянутся научные нити по всему свету. Здесь каждодневно рождается новое пока ещё абстрактное знание, которое рано или поздно реализуется в конкретику. И всё это останется людям.

Любопытная деталь: на фотографии, сделанной в Екатеринбурге с двумя другими лауреатами, Юрий Леонидович единственный, как всегда, в рубашке без галстука. Десять лет назад, когда ещё премьер Фрадков вручал ему премию Государственную, он тоже был одет не совсем по протоколу...

Алексей Надточий, «НВС»

Источник:

Надточий А. Все остается людям // [Наука в Сибири](#). – 2014. – N 6. – С. 3.